

АРМЯНЕ МОСКВЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ГОРОДЕ

DOI: 10.25629/НС.2020.06.12

Геворкян Г.Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

Статья подготовлена в рамках проекта «Особенности формирования и развития армянской диаспоры Москвы в конце XX – начале XXI века», поддержанного грантом РФФИ № 18-59-05007\18 и № 18-59-05007\19

Аннотация. Статья посвящена особенностям формирования и функционирования армянской диаспоры в поликультурном столичном городе – Москве. Главной целью работы стало изучение влияния многонационального города на особенности развития армянской диаспоры. Исследование было подготовлено в рамках реализации проекта «Особенности формирования и развития армянской диаспоры Москвы в конце XX – начале XXI века», поддержанного грантом РФФИ № 18-59-05007\18 и № 18-59-05007\19. Эмпирическая база – полевые материалы 2018 г. Опрос информаторов, представителей армянской диаспоры разного пола, возраста, места рождения, статуса, проводился в форме анкетирования с элементами формализованного интервью. В статье было проанализировано влияние исторически обусловленного характера армян на адаптивные функции в современном мегаполисе, а также отражены тенденции в восприятии армянами феномена большого многонационального города. Кроме того, была подробно рассмотрена кросскультурная коммуникация армян с другими диаспорами и объединениями Москвы. В результате был сделан ряд выводов о причинах гармоничного межнационального сосуществования.

Ключевые слова: армянская диаспора, национально-культурная идентичность, Москва, поликультурный город.

Введение

В силу того, что кросснациональная иммиграция резко возросла, современные города стали как никогда этнически разнородны. Каждая этническая группа мегаполиса образует отдельный элемент городской этносистемы и тесно связана посредством культурных, этнообщественных, этноязыковых, образовательных и других всевозможных отношений с другими ее национальными элементами.

Согласно некоторым оценкам, в Москве проживает не менее 9% общей численности населения России. Москва представляет собой особую этнокультурную общность, в рамках которой может происходить самый интенсивный обмен формами этничности и/или их нивелирование, возможно даже столкновение духовно-идеологических и культурных ценностей не только между различными этническими группами, но и внутри самих этих групп. В связи с этим актуализируются вопросы о том, какие факторы и в какой степени влияют на возникновение и развитие тенденций этнического самосознания уже непосредственно в условиях «городского смешивания». Другими словами, как формируются и развиваются этнические ориентации в многонациональном городе?

Влияние этнического многообразия территории проживания на этническую общность, в нашем исследовании – на армянскую диаспору, стало предметом изучения ученых сравнительно недавно. Среди исследователей этнического разнообразия изначально доминировали экономисты [11; 12], а резкий рост социологических и политологических исследований начался после презентации и публикации результатов исследования американского политолога Р. Патнэма [13]. Его исследование активно обсуждалось в СМИ и вызвало острые политические дебаты. Патнэм утверждал, что этнически неоднородная среда негативно сказыва-

ется на социальных связях не только между этническими группами, но и внутри них. Представляется любопытным проверить справедливость теории Патнэма по отношению к армянской диаспоре Москвы. Тем не менее цель данной статьи – проанализировать влияние поликультурного пространства на особенности поведения диаспоры внутри «городского котла».

Основным источником по изучению современного этнокультурного развития московских армян стали данные, полученные в ходе интервьюирования и анкетирования около 250 респондентов-армян разных половозрастных и социальных групп. Для осуществления опроса была разработана анкета, состоящая из 60 вопросов открытого и закрытого типов. Анкета была анонимной и распространялась в сети Интернет в группах армянских организаций Москвы, в социальных сетях, а также среди армян, которые не числятся в национально-культурных организациях столицы. Помимо анкетирования были проведены экспертные формализованные интервью с представителем армянской диаспоры Москвы, главами, членами советов, старейшими членами армянских национально-культурных общественных объединений, деятелями науки и культуры. Кратко характеризуя результаты случайной, вероятностной выборки, хотелось бы отметить, что наиболее активной частью отвечавших стали женщины (64%) в возрасте от 18 до 24 лет (37%).

О специфике формирования армянской идентичности в исторической ретроспективе

Для Москвы характерен многонациональный состав населения, который, с одной стороны, является фундаментом для развития навыков межкультурной коммуникации, с другой стороны – ведет к обострению ситуации в обществе. Поэтому в условиях стремительно меняющейся социокультурной среды особую важность приобретают качества личности, которые обеспечивают ее готовность к активному и эффективному взаимодействию в современном обществе. Есть ли такие качества у армян? «Сконструированы» ли они в диаспоре в результате долгого исторического развития?

Чтобы понять, что такое армянская диаспора, необходимо начать издалека, с 387 г., когда произошел первый раздел Армении между Римской империей и Персией. С тех пор переселение армян становится постоянным, и сегодня, по разным данным, за пределами Республики Армения проживают порядка 12 миллионов армян. Однако, безусловно, со статистическими показателями необходимо обращаться аккуратно, потому что вопрос о том, как много этнических армян действительно считают себя армянами и отмечают свою этничность в переписях населения, разрешить довольно проблематично. Кроме того, например, в Стамбуле существует внутrigосударственная армянская диаспорная община, большинство членов которой отрицают, что они являются диаспорой в принципе. В Грузии армянская диаспора имеет сильную связь с местом проживания – армяне Грузии в основном живут в регионе Самцхе-Джавахети на юге страны, рядом с Ахалцихе. Есть и постдепортационная диаспора, образованная после 1604 г. в Иране. В Индии армяне закрепились в результате своей исконной профессиональной деятельности, купечеству, еще с VII в. Армянский народ расселялся по миру, не забывая Армению. В Венеции до сих пор процветает Орден мхитаристов, который с 1512 г. начал выпускать первые печатные издания на армянском языке. Однако самые массовые переселения начались с конца XIX в., когда финальной точкой нетерпимости правящей элиты к нетурецкому населению стал геноцид армян в Османской империи, после которого армянское присутствие стало наиболее заметным во всем мире. Но отдельные группы армян переселения избежали, согласившись на исламизацию – добавляем этот факт в комплекс проблемных вопросов о сложности подсчетов числа армян, проживающих за пределами Армении. События 1991 г., когда произошла дезинтеграция Советского Союза, послужили очередным катализатором для пополнения классической «старой» армянской диаспоры [6].

Список, конечно, можно расширить, упорядочить и продолжить, вспомнив о рассеянии иранских, ливанских, египетских, иракских, а теперь и сирийских армян, а также «советскую диаспору репатриантов» 1946–1948 гг., многие из которых покинули родину в 1974–1989 гг. и проживают в основном в США. Жили армяне в Кастилии, Англии, Римской империи или Советском Союзе, в богатстве или в бедности, притесняемые или уважаемые, но где бы они ни оказывались, в общественную жизнь проникали довольно быстро, плотно и надолго. Оче-

видно, что армяне имеют длительную традицию дисперсного проживания в разных частях света, в том числе и в городах, что не могло не отразиться на особенностях характера самого народа и не могло не повлиять на его современное развитие.

Несмотря на то, что первые упоминания об армянах в русских источниках восходят ко временам Киевской Руси, массовые расселения армян в Москву начинаются в XVIII в., когда восточная политика России становится главнейшим вектором внешнеполитического курса страны, а в его контексте армяне и армянские общины оказываются серьезным фактором стабильности. Армянских переселенцев расселяли в основном на новых российских землях – в Крыму, в Ростовской области, на Северном Кавказе, на Черноморском побережье Кавказа, в Молдавии – для освоения и подъема экономики регионов России. Армяне воспринимались как древний христианский народ и не были противопоставлены автохтонному населению. Кроме того, они издревле были посредниками в торговле с Востоком. После присоединения Восточной Армении к России в жизни армянских общин доминирующей становится культурно-просветительская деятельность, и начинается их активная интеграция в социально-политическую жизнь России [4, с. 89]. Особое место в этом отношении занимала довольно большая и влиятельная армянская колония в Москве. Здесь стали появляться армянские церкви, был построен Лазаревский институт восточных языков, издавались газеты и журналы (самый известный «Юсисайпл» Степаноса Назарянца). В начале XX в. появились Московский армянский комитет, армянские студенческие землячества, Московский армянский музыкальный коллектив, Московское хоровое общество [5].

Самые масштабные волны миграции армян произошли в XX в. Число армян в России резко возросло в результате трагических событий геноцида армян в Османской империи 1915–1922 гг. [10, с. 1497], когда многие из оставшихся в живых армян нашли спасение в России. К концу столетия причинами массового исхода из Армении стали разрушительное спитакское землетрясение 1988 г., транспортная блокада Армении со стороны Азербайджана и Турции, неблагоприятные социальные условия, тотальная безработица. Огромное число армян эмигрировали из Абхазии и Азербайджана, спасаясь от войны и этнических чисток. Дезинтеграция СССР вызвал новую волну эмиграции армян в Россию из всех республик некогда единой страны. Основная часть армянских эмигрантов нашла пристанище в Краснодаре, Ставрополе, Ростове, Москве, в промышленных центрах Урала и Сибири [8, с. 5].

По данным переписи 1897 г., в Москве проживали 1604 представителя армянской национальности [9]. В 1959 г. их численность увеличилась до 18 тыс. человек [2], а в 1989 г. – до 43 тыс. (5-й по численности народ в Москве) [3]. В позднее советское время армян в столице было относительно немного. Попадание их сюда происходило чаще всего через стандартные каналы вертикальной и горизонтальной мобильности советского общества: через поступление в университет, либо через приглашение на работу, и говорить в тех исторических условиях о функционировании какого-то подобия национальных объединений не приходится. Это не означает, разумеется, что тогда среди армян в Москве не было практик взаимопомощи или совместного досуга. Напротив, они были достаточно распространены и основывались чаще всего на земляческих чувствах, однако обычно не выходили за пределы личного общения. Значительная часть функций по экономической адаптации немногочисленных переселенцев выполнялась государственной системой, а потому и неформальные механизмы играли относительно небольшую роль.

Разрушение советской экономики и мощный иммиграционный поток 1990-х гг. сделал связи между армянами критически важным элементом приспособления к новой реальности. События конца прошлого столетия привели к тому, что к 2002 г. число армян в Москве достигло 124 тыс. человек [1]. Армяне стали третьей по численности нацией столицы. Структура этого сообщества достаточно сложна, а ее понимание является ключевым для реконструкции всего процесса функционирования армянской диаспоры в городе.

Москва как исторически сложившийся многонациональный феномен находится в непрерывном движении. Поэтому следует отметить, что прибывшие в столицу в 90-х гг. XX в. армяне уже были интегрированы в российское – а точнее, постсоветское – общество, так как

были его составной частью. Сложности возникают у новоприбывших более позднего времени, у тех, кто еще не знаком или не привык к жизни в российских реалиях и у кого к тому же знание русского языка не на должном уровне. Однако мигранты из Армении очень быстро адаптируются к жизни в Москве и сейчас. Кроме этого, внешние мигранты армяне по-прежнему являются выходцами из стран бывшего СССР, культура России для них не является абсолютно чужой, сами они местным населением не воспринимаются как абсолютно «чужие», в том числе и потому, что и армяне, и русские – христиане. Поэтому, вероятнее всего, является верной точка зрения Т. Рискенса и М. Хугха о том, что не этническое разнообразие само по себе, а приток большого числа мигрантов с иным менталитетом может снижать доверие и социальную сплоченность в обществе [14, р. 583].

Основные фазы формирования национального самосознания армян в городском пространстве

Этническая идентичность в диаспоре – сложное и многоуровневое явление, порождающее разные интерпретации. Ее изучение связано с трудностями социально-психологического характера, поскольку она лежит в основе формирования этнического сознания, а затем и самосознания групп диаспоры. По замечанию Г. Шеффера, «хотя на протяжении истории и были случаи, когда диаспоры создавались и существовали, четко не выработав и не проявив свою национальную идентичность, в то же время этот элемент должен присутствовать для того, чтобы подобные общности смогли развиваться и процветать» [15, р. 49].

Именно идентичность является одним из факторов, определяющих поведение индивида или группы в его взаимоотношениях с внешним миром. В Москве ребенок буквально с момента рождения сталкивается с полинациональной средой и уже в дошкольном возрасте под ее влиянием проходит первую фазу встраивания в городское пространство. Так, к примеру, ребенок, живущий в армянской семье, где все родственники разговаривают на национальном языке, сталкивается с трудностью в коммуникации. Педагоги-практики отмечают, что незнание русского языка или плохое владение им обостряет проблемы социальной и психологической адаптации дошкольника. Правда, потенциал детского коллектива делает возможным взаимное обучение: русскоговорящие дети в ходе выполнения игровой, трудовой, познавательной деятельности и общения стимулируют речевое развитие детей других национальностей. В то же время иноязычный ребенок активизирует речевую активность русскоговорящего сверстника. Важным является момент не только и не столько понимания речи, сколько эмоциональной ситуации, побуждающей вступить в речевой контакт: значение имеют выразительная интонация, мимика, демонстрация предмета или явления [7, с. 116].

Вторая фаза приходится на подростковый возраст, когда ребенок уже самостоятельно пытается на основе своих знаний, опыта и мироощущения самоопределиваться по отношению к своей национальной принадлежности. К этому необходимо добавить характерные трудности в жизни подростка в постпубертатный период, которые особенно ярко проявляются в урбанистической среде.

В моноэтнической Армении первая и вторая фазы почти совпадают по времени. Растянность по существу единой, а не двусоставной фазы этнической самоидентификации у ребенка обусловлена в значительной степени компактной моноэтнической средой, в которой он не испытывает влияния или даже давления инонациональной среды.

Далее – студенческие годы, когда молодые люди живут насыщенной интеллектуальной и культурной жизнью, и здесь происходят анализ и порой пересмотр жизненных ценностей. Эта третья фаза нередко совпадает как у москвичей, так и у некоренных жителей города. Согласно проведенному опросу, можно сделать вывод, что основным детерминирующим фактором в системе этнической самоидентификации является сила естественного стремления человека к самоопределению по этническому признаку. Естественно, при наличии определенных факторов, влияющих на этот выбор. Многие, до этого времени не придававшие большого значения своей национальной принадлежности, именно в студенческие годы уже вполне осознанно завершают процесс этнической самоидентификации. Так, один из респон-

дентов указал, что процесс его национально-культурного самосознания радикально поменялся исключительно благодаря университету: «В доуниверситетское время, школьные годы <...> я никогда не хотел общаться с армянами в школе. Потому что мне всегда попадались и в московской школе, потом я переехал в Ярославскую область, в той школе, они были какие-то необразованные, вели себя достаточно дико, и я чувствовал, что я отличаюсь. И я думал: “Я не хочу общаться с ними!” Но потом я переехал, поступил в университет, пошел в Армянскую студенческую ассоциацию и увидел!.. Какие интеллигентные, образованные, креативные ребята! В 150 раз умнее меня. И тогда стал общаться» (неформализованное интервью, мужчина, 24 года, 25.10.2018, г. Москва).

Особенности восприятия Москвы армянской диаспорой

Однозначно определить, что значит Москва для современной армянской диаспоры, довольно трудно. При ответе на вопрос: «Что для Вас родина», – с предложенными вариантами ответов или возможностью указать свой 82% опрошенных назвали Армению, часть из них сделали оговорку: «Моя родина – Армения, но я гражданин России». И только четыре человека указали, что прежде всего ассоциируют себя с Москвой: «Моя родина – Москва». Таким образом, можно проследить у армян Москвы отсутствие сфокусированности собственной национально-культурной принадлежности на региональном (городском) восприятии и отсутствие принадлежности исключительно к российской столице. Московский регион в таком случае рассматривается, скорее, как социальный и дискурсивный конструкт в рамках России. Из нашего исследования можно сделать предварительный вывод, что для армян столицы Москва – *espace quelconque* (фр. какое угодно пространство), понятие, популярное в среде деятелей кино, используемое для характеристики таких сцен, в которых пространство лишено своей гомогенности, но при этом наделено потенциалом и множеством сингулярностей, предвещающих актуализацию события или чувства. За исключением незначительных частных случаев, Москва не представляется для армян России каким-то непохожим на все другие города местом, в котором армяне кардинально отличаются от армян Берлина, Нью-Йорка или Еревана.

Москва – уникальный город, он входит в рейтинг мировых городов, которых на планете всего 40. На протяжении последних 120 лет город ежегодно получает 100 тыс. человек нового населения за счет миграции, за исключением периодов, которые приходились на революцию, гражданскую и Великую Отечественную войны. Поэтому Москва – уникальное пространство с множеством культурных связей, где каждая нация, диаспора декларирует необходимость наладить свою коммуникацию и может это делать в соответствии со своими потребностями, находясь при этом в открытом правовом пространстве.

Измерение параметров городского взаимодействия армян с другими народами довольно сложно при постановке прямого вопроса. Для данной статьи вопросы о национальности родителей и друзей стали намного менее информативными, чем вопрос: «Какие национально-культурные общественные объединения других народов являются наиболее авторитетными среди армян России?» Большинство респондентов он поставил в тупик: 72% затруднились с ответом (формулировки «не знаю» / «затрудняюсь ответить» / «не интересуюсь»). Любопытно заметить, что среди всех этнических общностей наиболее часто упоминалась еврейская диаспора. Респонденты даже называли конкретные организации. Например, Международный «Гилель» (Hillel International) – крупнейшую в мире студенческую еврейскую организацию, знакомящую молодежь с историей, традициями, ценностями и культурой еврейского народа. В наши дни более 550 отделений «Гилеля» работают в лучших университетах мира, от Гарварда до университета Беркли, а также в крупнейших городах мира – от Нью-Йорка и Москвы до Сиднея и Рио-де-Жанейро. По-видимому, сходство судеб армянского и еврейского народов, двух старых классических мировых диаспор, наличие у них общего внутреннего импульса к самоорганизации, потребности к самовыражению являются элементами бессознательного базиса для успешного общегородского взаимодействия.

Многие респонденты назвали грузинские, греческие диаспоры, кто-то вспомнил талышей, ассирийцев, белорусов. Встретилась также формулировка «диаспоры народов Кавказа». Важно отметить, что нам не удалось найти строгих закономерностей в соотношении между

страной исхода и родственными связями с выбором ответа на данный вопрос. Так, к примеру, о грузинских объединениях упоминали армяне родом из Армении, а не из Грузии.

К результатам опроса можно добавить и личные полевые наблюдения. Особенно интересны отношения армянской диаспоры с азербайджанцами: несмотря на довольно часто декларируемую респондентами открытую антипатию, азербайджанцы оказываются каким-то образом встроенными в этнические «сети» армян диаспоры, многие из которых поддерживают с азербайджанцами постоянные, хотя и не всегда активные, контакты. В качестве одного из примеров можно привести рассказ одного из респондентов, организатора крупного студенческого мероприятия, на котором молодежные университетские организации презентуют особенности своей национальной культуры. Респондентка указала, что еду на стенд об Армении активисты заказывают у азербайджанцев: «У азербайджанцев есть деньги, у таджиков, узбеков, у чеченцев есть, у армян нет ни возможностей, ни денег, чтобы как-то нам помочь. Наверно, и желания. У папы есть друг азербайджанец, мы у него заказываем еду на мероприятие» (неформализованное интервью, женщина, 21 год, 03.11.2018, г. Москва).

Так, близость проживания и культура мегаполиса пересиливают исторические противоречия, а зачастую даже частично лишают их декларируемой «легитимности» в ходе полусознательной реинтерпретации причин конфликта. Например, вина за погромы в Баку и Сумгаите может перекладываться с индивидов конкретной национальности на власть в целом, на «Кремль» – в частности.

7 человек подчеркнули, что авторитетные неармянские национально-культурные организации отсутствуют вовсе (формулировки «никакие» / «таких нет» / «армяне не признают авторитетов»). Такой нигилизм – где-то более явно, где-то менее – можно назвать одной из национальных черт так называемых консервативных армян, признающих ценность исключительно всего армянского.

Более одного процента респондентов посмотрели на вопрос не с точки зрения национальной культурной принадлежности, а поставили во главу угла религиозный аспект, отметив авторитетность Русской православной церкви.

Таким образом, можно сделать вывод, что в генеральной совокупности армяне общаются с теми народами, которые соответствуют двум критериям, – общность культурных установок и исторического развития. Например, ни один респондент не назвал представителей татарской диаспоры, численность которых в Москве сопоставима с численностью армян в столице.

Заключение

Исторически обусловленное дисперсное проживание отложило отпечаток на характер поведения армян в диаспоре. Перманентная необходимость мирно сосуществовать с народами в пределах разных государственных образований не могла не повлиять и на особенности сегодняшнего поведения армян в Москве. Поэтому новые, казалось бы, требования к современному горожанину в условиях глобализации и политики мультикультурализма оказались абсолютно ненормальными для армян. Возможно, поэтому стать поликультурной личностью, способной эффективно взаимодействовать в гетерогенной и поликультурной среде, не представляется армянам Москвы непосильной задачей.

В очередной раз подтверждается теория Ван дер Меера и Толсмы о неоднородности показателей социальной сплоченности диаспоры в зависимости от масштаба территории проживания. Так, «в крупных пространственных ареалах гипотеза о негативном влиянии этнической разнородности подтверждается слабо» [16]. Безусловно, в условиях большого города, быстрого темпа жизни происходят пропорциональные процессы угасания национально-культурных особенностей, будь то посещение церкви или проведение традиционной армянской свадьбы с сотнями приглашенных. Однако при активной деятельности армянских организаций, обилии национально-культурных мероприятий тезис о том, что этническое многообразие города сказывается на межэтнической сплоченности негативно, не подтверждается. Гармоничное межнациональное сосуществование, активность армянских национально-культурных организаций, непротиворечивость российской и армянских культур и давняя

история совместного проживания стали залогом для взаимопроникаемого успешного развития столицы России и армянской диаспоры в начале XXI в.

Представляется также, что при анализе развития общества основные акценты изучения диаспораведческих проблем должны сместиться в сторону поведенческих характеристик этносов в условиях многонационального города как такового. Более того, изучение диаспоры является сферой приложения внимания не только историков и профильных государственных структур, но может представлять интерес в общем познавательном ключе, для рядовых горожан, помогая им понять, насколько изолированной от принимающего общества является та или иная этническую группу в динамической перспективе и каково влияние соединяющих ее связей на экономическую эффективность и социальную бесконфликтность.

Библиография

1. Всероссийская перепись населения 2002 г. // Федеральная служба государственной статистики. 2002 // [Электронный ресурс]: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 16.11.2019).
2. Всесоюзная перепись населения 1959 г. // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» // [Электронный ресурс]: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (дата обращения: 16.11.2019).
3. Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» // [Электронный ресурс]: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 16.11.2019).
4. Дилоян В.А. Восточная Армения в первой трети XIX века и армяно-русские отношения. Ереван: Издательство Ереванского государственного университета, 1989. 353 с.
5. Долбакян Э.Е. Армянская община Москвы. История, состояние, современные проблемы // Центр поддержки русско-армянских стратегических общественных инициатив. 2013 // [Электронный ресурс]: <http://russia-armenia.info/node/4170> (дата обращения: 15.10.2019).
6. Дятлов В.И., Мелконян Э.Л. Армянская диаспора: Очерки социокультурной типологии. Ереван: Институт Кавказа, 2009. 207 с.
7. Наумова Т.Н. Особенности организации взаимодействия ДОО и семьи в условиях воспитания полинационального детского коллектива // Научный поиск. 2016. С. 113–117.
8. Ованесян Н. Армяно-русские отношения // Армяно-российские и армяно-арабские отношения. Ереван: АН РА, 1992. С. 4–36.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» // [Электронный ресурс]: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=53 (дата обращения: 16.11.2019).
10. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 14 апреля 1995 г. № 694-I ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об осуждении геноцида армянского народа в 1915–1922 годах”» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 1995 г. № 17.
11. Costa D.L., Kahn M.E. Civic Engagement and Community Heterogeneity: An Economist’s Perspective // Perspectives on Politics. 2003. Vol. 1. № 1. P. 103–111.
12. Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Do Institutions Cause Growth? // Journal of Economic Growth. 2004. Vol. 9. P. 271–303.
13. Putnam R.D. *E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century* // Scandinavian Political Studies. 2007. Vol. 30. № 2. P. 137–174.
14. Reeskens T., Hooghe M. Beyond the Civic-Ethnic Dichotomy. Investigating the Structure of Citizenship Concepts Across Thirty-Three Countries // Nations and Nationalism. 2010. № 16 (4). P. 579–597.

15. Sheffer G. *Diaspora Politics at Home Abroad*. New York: Cambridge University Press, 2003. XIII, 290 p.

16. Van der Meer T., Tolsma J. *Ethnic Diversity and Its Effects on Social Cohesion* // *Annual Review of Sociology*. 2014. Vol. 40. № 1. P. 459–478.

Геворкян Галина Николаевна. E-mail: galina1993@mail.ru

MOSCOW ARMENIANS IN A MULTICULTURAL CITY

DOI: 10.25629/HC.2020.06.12

Galina N. Gevorkyan

Lomonosov Moscow State University, History Faculty
119991, Moscow, Lomonosovsky Prospect, 27/4

Abstract. The article is devoted to the formation and functioning peculiarities of the Armenian diaspora in multicultural Moscow. The main goal of the study was to examine the impact of a multi-ethnic city on the Armenian diaspora behavior. The research was prepared within the framework of the project *Features of the Formation and Development of the Armenian Diaspora in Moscow at the End of the 20th – Beginning of the 21st Century*, supported by RFBR grant № 18-59-05007\18 and № 18-59-05007\19. The empirical base is field materials of 2018. The survey of informants, representatives of the Armenian diaspora of different gender, age, place of birth, status, was conducted in the form of a questionnaire with elements of a formalized interview. The article analyzes the influence of the historically determined nature of Armenians on adaptive functions in the modern megapolis, and also reflects the trends in the perception of the phenomenon of a large multinational city by Armenians. In addition, the cross-cultural communication of Armenians with other diasporas and associations in Moscow was discussed in detail. As a result, a number of conclusions were made about the reasons for harmonious interethnic coexistence.

Keywords: Armenian diaspora, national and cultural identity, Moscow, polycultural city.

References

1. Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2002 goda [2002 All-Russian Census]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed: 16.01.2019).
2. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda [1959 All-Russian Census]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (accessed: 16.01.2019).
3. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda [1989 All-Russian Census]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (accessed: 16.01.2019).
4. Diloyan V.A. *Vostochnaya Armeniya v pervoi treti XIX veka i armyano-russkie otnosheniya* [Eastern Armenia in the first third of the 19th century and Armenian-Russian relations]. Yerevan: Yerevan State University Press, 1989. 353 p.
5. Dolbakyan E.E. *Armyanskaya obshchina Moskvy. Istoriya, sostoyanie, sovremennye problemy* [The Armenian community of Moscow. History, condition, current problems]. URL: <http://russia-armenia.info/node/4170> (accessed: 15.01.2019).
6. Dyatlov V.I., Melkonyan E.L. *Armyanskaya diaspora: Ocherki sotsiokul'turnoi tipologii* [The Armenian Diaspora: Essays on the Sociocultural Typology]. Yerevan: Institute of the Caucasus, 2009. 207 p.

7. Ovanesyan N. Armyano-russkie otnosheniya. *Armyano-rossiiskie i armyano-arabskie otnosheniya* [Hovhannisyan N. Armenian-Russian relations. *Armenian-Russian and Armenian-Arab relations*]. Yerevan: AN RA, 1992. P. 4–36.

9. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda [The first general census of the Russian Empire in 1897]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=53 (accessed: 16.01.2019).

10. Decree of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated April 14, 1995 No. 694-I of the State Duma “On the statement of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation“ On the condemnation of the genocide of the Armenian people in 1915–1922 ””. Collection of Legislation of the Russian Federation of April 24, 1995, No. 17. (In Russ.)

11. Costa D.L., Kahn M.E. Civic Engagement and Community Heterogeneity: An Economist’s Perspective. *Perspectives on Politics*. 2003. Vol. 1. No 1. P. 103–111.

12. Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth*. 2004. Vol. 9. P. 271–303.

13. Putnam R.D. E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century. *Scandinavian Political Studies*. 2007. Vol. 30. No 2. P. 137–174.

14. Reeskens T., Hooghe M. Beyond the Civic-Ethnic Dichotomy. Investigating the Structure of Citizenship Concepts Across Thirty-Three Countries. *Nations and Nationalism*. 2010. No 16 (4). P. 579–597.

15. Sheffer G. *Diaspora Politics at Home Abroad*. New York: Cambridge University Press, 2003. XIII, 290 p.

16. Van der Meer T., Tolsma J. Ethnic Diversity and Its Effects on Social Cohesion. *Annual Review of Sociology*. 2014. Vol. 40. No 1. P. 459–478.

Gevorkyan Galina Nikolaevna. E-mail: galina1993@mail.ru